

Е. П. Блаватская

Из серии "Nightmare Tales" (Кошмарные рассказы)

Сияющий щит

Наша маленькая избранная компания представляла собой группу беззаботных путешественников. За неделю до этого мы приехали в Константинополь из Греции и с тех пор по четырнадцать часов каждый день ходили вверх и вниз по крутым склонам Перы, посещали базары, забирались на крыши минаретов и пробивались через полчища голодных собак, этих вековых повелителей улиц Стамбула. Кочевая жизнь заразительна, как говорят, и никакая цивилизованность не способна разрушить очарование неограниченной свободы после того, как вы её вкусите. Цыгана нельзя заставить покинуть его шатёр, и даже обычный бродяга находит особое наслаждение в своей тяжёлой неустроенной жизни, наслаждение, которое мешает ему найти постоянное жильё и занятие. Поэтому во время пребывания в Стамбуле главной моей заботой было защитить моего любимца спаниеля Ральфа от этой инфекции и помешать ему присоединиться к бедуинам собачьего рода, которые, как тараканы, кишели на улицах. Ральф был хорошей собакой, он был моим постоянным спутником и другом. Я боялась потерять его и поэтому постоянно следила за ним. Однако первые три дня он вёл себя как вполне приличный, образованный пёс, всё время верно следуя за мной по пятам. Во время каждой наглой атаки со стороны своих мусульманских братьев, независимо от того, было ли это демонстрацией враждебности или предложением дружбы, он каждый раз только поджимал хвост и с видом достойного смирения прятался за меня или за кого-либо из нашей компании.

Так как Ральф с самого начала проявил отвращение к случайным знакомствам, у меня появилась уверенность, что он будет вести себя прилично, и уже к концу третьего дня я совсем не так бдительно наблюдала за ним. Такая небрежность очень скоро, однако, была наказана, и мне пришлось пожалеть о своей доверчивости. В какой-то момент, когда я не смотрела на него, мой спаниель услышал зов четвероногой сирены, и последнее, что я увидела, это его пушистый хвост, когда он исчезал за углом кривого, узкого и грязного переулка.

Очень расстроившись, я провела весь остаток дня в тщетных поисках бессловесного спутника. Я предлагала и двадцать, и тридцать, и сорок франков в награду тому, кто найдет его. И вот порядка сорока бродячих мальтийцев устроили настоящую охоту за моим спаниелем, и вечером у отеля нас осадил целый отряд этих бродяг, причём у каждого из них в руках была дворняжка невероятного происхождения, которую он изо всех сил старался выдать за моего потерянного друга. И чем категоричнее я отрицала это, тем торжественней они клялись мне, что именно их пёс и есть мой спутник, а один из бродяг даже встал на колени, вытащил из-за пазухи старый, позеленевший образок с Мадонной и поклялся, что сама царица небесная указала ему на эту собаку. Шум усиливался, и стало ясно, что исчезновение моего спаниеля может стать причиной потасовки. В конце концов владелец отеля послал за полицией и весь этот полк двуногих и четвероногих существ был изгнан силой. Я стала всё больше убеждаться в том, что никогда не увижу свою собаку, слова портъе гостиницы усилили моё горе. Этот человек, с внешностью благородного бандита, который, судя по всему, провёл на галерах каких-то пять-шесть лет, со всей серьёзностью уверял меня, что все мои усилия напрасны, так как спаниель мой, без сомнения, уже мёртв и съеден турецкими собаками, которые очень любят мясо своих более мирных и более упитанных английских братьев.

Всё это происходило на улице, прямо перед отелем, и я уже было собралась отказать от поисков, по крайней мере на ночь, и уйти в гостиницу, когда старая гречанка-фанариотка, которая слышала весь этот там-тарарам со своего крыльца неподалёку, подошла к моим безутешным друзьям и предложила одной из них, мисс Х., спросить дервишей о судьбе Ральфа.

— А что могут дервиши знать о моей собаке? — спросила я её, не имея ни малейшего желания шутить, хотя предложение было явно смехотворным.

— Святые люди знают всё, кирея (госпожа), — ответила она немного таинственно. — На прошлой неделе у меня украли новую атласную мантилью, которую сын привёз мне из Бруссы, а сейчас, как видите, она на мне.

— В самом деле? Тогда эти святые, помимо всего прочего, превратили вашу новую мантилью в старую, — сказал один из джентльменов, которые нас сопровождали, показывая на большую дырку на спине мантильи, зашитую большими неуклюжими стежками.

— А это и есть самое удивительное во всей истории, — тихо ответила ему фанариотка, нисколько не смущаясь. — Они показали мне в светящемся круге квартал, дом и даже комнату, где еврей, укравший мою мантилью, собирался распороть её и разрезать на кусочки. У моего сына и у меня едва хватило времени добежать до Калинджикулосека и спасти мантилью. Мы застали еврея в тот самый момент, когда он разрезал мантилью со спины, и тут же узнали в нём того самого человека, которого дервиши показали нам в своей магической луне. Он признался в краже и теперь сидит в тюрьме.

Хотя никто из нас не имел ни малейшего представления, что она имела в виду под магической луной и сияющим кругом, все мы были совершенно ошеломлены её рассказом о проницательности "святых людей". Её манеры, однако, убедили нас, что этот рассказ не совсем выдумка. А поскольку она, во всяком случае, сумела как-то получить назад свою собственность, мы решили сами отправиться к дервишам следующим утром и узнать, не могут ли они и нам помочь.

Монотонные крики муэдзинов с вершин минаретов объявили о наступлении полдня, когда мы, спустившись с высот Перы к порту Галата, с трудом протискивались через грязные толпы торгового квартала города. Не успели мы добраться до порта, как нас уже наполовину оглушили крики и непрерывные пронзительные вопли, вавилонское столпотворение языков. В этой части города бессмысленно ориентироваться по номерам домов или названиям улиц. Местоположение нужного вам дома обычно определяется по близости к какому-либо более или менее заметному зданию, такому, как мечеть, баня или европейский магазин. В остальном же приходится полагаться на Аллаха и его Пророка.

Поэтому нам с огромным трудом удалось найти английский магазин корабельных принадлежностей, позади которого должно было находиться место, куда мы стремились попасть. Гид, взявшийся проводить нас от гостиницы, так же плохо знал дорогу туда, как и мы, но в конце концов маленький грек, одетый почти что в костюм нашего праотца Адама, согласился за небольшую медную монету отвести нас к танцующим дервишам.

Когда мы пришли, нас провели в просторный сумрачный зал, который походил на заброшенную конюшню. Зал был длинный и узкий, и пол его, как пол манежа, был покрыт толстым слоем песка. Единственным источником света были маленькие окна, расположенные довольно высоко от земли. Дервиши уже закончили своё утреннее

представление и отдыхали от изнурительных трудов. Они выглядели совершенно измотанными, некоторые из них лежали у стен, другие сидели, сложив ноги и уставившись в пустоту, занятые, как нам сказали, медитацией, созерцанием своего невидимого божества. Казалось, они потеряли всякую способность видеть и слышать, так как никто из них не реагировал на наши вопросы, пока из дальнего угла не появилась худая фигура человека в большом тюрбане, из-за которого он казался необычайно высоким. Сообщив нам, что он — их глава, этот гигант дал нам понять, что святые братья обычно получают повеление о дополнительных обрядах от самого Аллаха, и поэтому их ни в коем случае нельзя беспокоить. Однако, когда переводчик объяснил ему цель нашего визита, которая касалась только его самого, поскольку он был единственным распорядителем "столпа прорицаний", он перестал возражать и протянул руку, требуя вознаграждения. Получив требуемое, он сказал, что знание будущего можно доверить только двум людям одновременно. Потом он повернулся и повёл за собой мисс Х. и меня.

Мы нырнули вслед за ним в какой-то полуподземный коридор. По нему мы прошли к основанию высокой приставной лестницы, которая вела в комнату под крышей. Мы забрались по лестнице вслед за своим провожатым и оказались в жалкой мансарде средней величины, с голыми стенами, без всякой мебели. Пол был покрыт густым слоем пыли, со стен обильно свисали лохмотья старой паутины. В углу комнаты что-то лежало. Поначалу я приняла этот предмет за кучу тряпья, однако та скоро задвигалась, встала на ноги, вышла на середину комнаты и остановилась перед нами, оказавшись самым необычным существом, какое мне когда-либо приходилось видеть. Пол этого существа был явно женским, хотя решить, был ли это ребёнок или женщина, было невозможно. Она была отвратительным карликом с огромной головой, плечами гренадёра и соответствующей талией, однако это тело передвигалось на тоненьких, паучьих ножках, которые, казалось, физически были не в состоянии носить столь чудовищную тяжесть. На лице её кривилась усмешка сатира, щёки, лоб, подбородок были украшены надписями и знаками из Корана, нанесёнными ярко-жёлтой краской. На лбу сиял кроваво-красный полумесяц, на голове была пыльная феска, а на ногах — широкие турецкие шаровары, тело с трудом скрывал белый муслин. Это существо скорее упало, чем уселось посреди комнаты, и, когда её тело коснулось прогибающихся досок, поднялось целое облако пыли, и мы стали кашлять и чихать. Перед нами была знаменитая Татмос, известная также под именем Оракул Дамаска!

Не теряя времени на пустые разговоры, дервиш достал кусочек мела и провел вокруг сидящей девушки круг диаметром около шести футов, затем, вытащив из-за двери двенадцать небольших медных ламп, он наполнил их какой-то тёмной жидкостью из маленького флакона, который достал из-за пазухи. После этого он расположил лампы симметрично вдоль магического круга. Потом он отщепил кусочек дерева от рамы полуразбитой двери, которая хранила следы множества подобных действий и, взяв большим и указательным пальцами щепу, начал дуть на неё через равные промежутки времени. Подув на неё немного, он начал шептать какие-то странные заклинания, потом снова дул и снова шептал заклинания до тех пор, пока вдруг без всякой видимой причины на щепе не появилась искра и кусочек дерева загорелся, как сухая спичка. Затем дервиш зажёл двенадцать ламп этим самовоспламенившимся огнём.

Всё это время Татмос сидела совершенно неподвижно, не проявляя никакого интереса к окружающему. Она сняла со своих босых ног жёлтые тапки и, бросив их в угол комнаты, показала нам свою гордость — по шестому пальцу на каждой скрюченной ноге. В этот момент дервиш вошёл в магический круг, схватил карлицу за лодыжки и дёрнул её, будто поднимал куль с зерном. Он поднял её за ноги головой вниз. Потом он отступил назад на один шаг и потряс её, как обычно трясут мешок для того, чтобы улеглось его содержимое,

причём делал он это легко и ритмично. Затем он начал раскачивать её вправо и влево, как маятник, пока, набрав нужную скорость, он не отпустил одну ногу и, взявшись двумя руками за другую, мощным усилием начал раскручивать её в воздухе как индийскую дубинку.

Моя спутница в тревоге отступила в дальний конец комнаты. Дервиш всё крутил и крутил живую "булаву". Она оставалась абсолютно пассивной. Скорость движения всё увеличивалась и увеличивалась, и вскоре глаз уже не успевал проследить за движением тела. Это продолжалось, пожалуй, около двух или трёх минут, пока жонглёр постепенно не замедлил движение и, остановившись наконец, не поставил девушку на колени в середину освещённого лампами круга. Таков восточный метод гипноза в том виде, в коем он практикуется дервишами.

Теперь карлица, казалось, была в глубоком трансе и полностью забыла обо всём окружающем. Челюсть её отвисла, а голова опустилась на грудь, глаза остекленели и смотрели вперёд. Ничего не видя, она стала ещё более отвратительной, чем раньше. Тогда дервиш закрыл ставни единственного окна в комнате, и мы бы оказались в полной темноте, если бы в ставнях не было отверстия, через которое в комнату проникал яркий луч света, который падал на девушку. Дервиш поставил её так, чтобы луч солнца падал ей на темя, а потом, жестом попросив нас соблюдать тишину, он сложил руки на груди, уставился на яркую точку, которую образовывал солнечный луч на голове девушки, и замер, словно каменный идол. Я не отрываясь смотрела на пятно света и думала о том, что случится дальше и как этот странный обряд поможет мне найти Ральфа.

Постепенно яркое пятно стало как бы впитывать через тонкий луч яркий солнечный свет, падавший на дом снаружи. Яркое пятно накапливало этот свет и превращалось в ослепительную звезду, от которой, как из точки фокуса, в разные стороны исходили лучи.

Возник любопытный оптический эффект: комната, которая раньше освещалась солнечным лучом, стала темнеть, а звезда становилась всё ярче и ярче, и так до тех пор, пока мы не почувствовали, что находимся в полной темноте. Звезда замирала, задрожала и повернулась, сначала медленно, как волчок, потом она закружилась всё быстрее и быстрее, и с каждым оборотом её размеры увеличивались до тех пор, пока она не превратилась в ослепительно яркий диск, за коим мы уже не могли разглядеть карлицу, которую, казалось, поглотило сияние этого диска. Постепенно набрав чрезвычайно высокую скорость вращения, как и девушка в руках дервиша, диск начал вращаться медленнее и медленнее, пока его вращение не стало напоминать слабое колебание, похожее на игру лунного света на речной ряби. Потом диск мигнул ещё раз, испустил несколько последних вспышек и стал плотным и сияющим, как дорогой опал, остановившись в неподвижности. Теперь диск сиял луноподобным светом, мягким и серебристым, но он, этот свет, не освещал мансарду, а, казалось, только усиливал темноту в ней. Края круга не были туманны, напротив, они были очерчены чётко, как края серебряного щита.

Теперь, когда всё было готово, дервиш, не говоря ни слова и не отрывая глаз от диска, нашёл в темноте мою руку и потянул меня к себе, показав на светящийся диск. Приглядевшись, мы увидели большие пятна, похожие на пятна на Луне, они постепенно превратились в фигуры людей, которые, подобно рельефу в натуральном цвете, стали двигаться на поверхности щита. Они не были похожи ни на фотографию, ни на гравюру, ещё меньше они походили на отражение в зеркале. Диск был похож на камню, и фигурки как бы вырастали на его поверхности, а затем получали движение и жизнь. К моему удивлению и страху моей подруги, мы вдруг узнали мост из Галаты в Стамбул через Золотой Рог, который соединял Старый и Новый город. По мосту туда и сюда спешили

люди, пароходы и весёлые турецкие лодки скользили по голубой глади Босфора, множество красивых зданий, вилл и дворцов отражались в воде, и всю картину освещало полуденное солнце. Вид этот проходил перед нашими глазами как панорама, но изображение было настолько ясным, что мы не могли понять, то ли мы сами движемся, то ли изображение движется перед нашими глазами. Перед нами бурлила жизнь, но ни единый звук не нарушал тяжёлой тишины. Картина была беззвучна, как сон. Это было призрачное видение. Улица за улицей и квартал за кварталом проходили перед нашими глазами: вот перед нами базар с его узкими рядами маленьких лавочек под навесами, вот кофейня с серьёзными, курящими кальяны турками, и, когда мы скользили мимо одной из кофеен, или она скользила мимо нас, один из курильщиков опрокинул кальян и кофе соседа, и нас немало позабавил поток беззвучных ругательств. И так мы путешествовали по городу, пока не оказались перед большим дворцом, в котором я узнала дворец министра финансов. В канаве, позади дворца, неподалёку от мечети, в луже грязи лежал всклокоченный бедняга Ральф! Тяжело дыша и распластавшись на земле, он казался измученным и умирающим. А вокруг него собрались довольно жалкого вида дворняги, которые лежали на солнце, моргая, и ловили блох.

Я увидела то, что хотела, хотя не говорила дервишу ни слова о собаке, да и вообще пришла скорее из любопытства, не надеясь на успех. Мне не терпелось тут же пойти и получить Ральфа назад, но моя спутница попросила меня задержаться ненадолго, и я неохотно согласилась. Картина на диске исчезла, и мисс Х. заняла в свою очередь место рядом с дервишем.

— Я буду думать о Нём, — шепнула она мне на ухо тем горячим голосом, каким молодые леди обычно говорят о любимом человеке.

На диске появилась длинная полоса песчаного берега и голубое море с пляшущими барашками. По морю под ярким солнцем движется огромный пароход. Он идёт вдоль пустынного берега, оставляя за собой молочно-белый след. На его палубе кипит жизнь: на носу что-то делают матросы, внизу из люка появился кок в снежно-белых колпаке и переднике, то там, то здесь проходят морские офицеры в форме, пассажиры толпятся на шканцах, либо, сидя в складных креслах, флиртуют или читают, а молодой человек, которого мы обе узнаем, подходит к краю палубы и смотрит вдаль. Это Она.

У мисс Х. прерывается дыхание, она краснеет и улыбается, а потом снова сосредоточивается. Изображение парохода исчезает, на какое-то мгновение магическая луна остаётся пустой, потом на её сверкающей поверхности появляются новые пятна, и мы видим, как из её глубин появляется библиотека. Это большая библиотека с зелёными ковром и гардинами, по стенам всюду стоят книжные полки, а посередине в кресле за столом под висячей лампой сидит и пишет старый джентльмен. Его седые волосы зачёсаны назад, лицо чисто выбрито, оно выражает доброжелательность.

Быстрым движением дервиш потребовал тишины. Свет диска затрепетал, но потом снова ровно засиял, и на какую-то секунду его поверхность оставалась пустой. И вот мы опять видим Константинополь, но теперь из жемчужных глубин щита появляется наш собственный номер в гостинице, бумаги и книги разложены на бюро, дорожная шляпа моей подруги лежит в углу, а ленты висят на зеркале. На кровати лежит то самое платье, которое она сменила перед тем, как отправиться со мной сюда. Каждая деталь точно указывала на место, где мы провели ночь, словно кому-то было важно доказать, что увиденное нами — реальность, а не просто плод нашего воображения. И как последнее доказательство, на туалетном столике лежали два запечатанных письма, написанных почерком, который моя спутница сразу узнала. Они пришли от её родственника. Он был

очень дорог ей, и она давно, ещё в Афинах, ждала от него вестей, но так и не дождалась. Картина исчезла, и мы увидели комнату её брата. Сам он лежал в кресле, а слуга мыл ему голову, с которой, к нашему ужасу, текла кровь. Час назад мы оставили паренька в полном здравии, и теперь, увидев такую картину, моя спутница испустила крик ужаса, схватила меня за руку и потащила к двери. Внизу, в длинной зале, мы присоединились к нашему провожатому с друзьями и поспешили обратно в гостиницу.

Молодой Х. упал с лестницы и довольно сильно рассёк лоб, в нашей комнате на туалетном столике действительно лежали письма, которые прибыли в наше отсутствие. Оба нам переслали из Афин. Заказав экипаж, я немедленно поехала к министерству финансов и там вместе с провожатым торопливо пошла к канаве, которую впервые в жизни увидела в сияющем диске. Там, посреди лужи, весь в грязи, всклокоченный, полумёртвый от голода, но всё ещё живой, лежал мой красавец спаниель Ральф, а вокруг него были те же самые моргающие дворняжки, которые равнодушно ловили зубами блох.
